

ДОРОГОЕ ИМЯ

Пожалуй, ни в одной области искусства идеологическое размежевание не происходит так резко, как в литературе... В художественном произведении, где речь идет о духовном и политическом облике героев, автор не в состоянии скрыть или даже завуалировать свои симпатии и антипатии, не может утаить от читателя свое идеологическое кредо.

Говорить об отдельном писателе — это значит говорить о литературе, так как мы все связаны и преемственностью художественного мышления, и литературными традициями. Мы, писатели, являем собой как бы единую цепь, состоящую из отдельных звеньев.

В наше время жизнь со всей наглядностью показала, что в народных массах живет и сохраняет право на дальнейшую жизнь только то искусство, которое служит интересам народа. И, естественно, обречено на забвение, на смерть то, что удовлетворяет духовные потребности лишь одного, уходящего с исторической сцены класса-поработителя, паразитического класса.

Со всей очевидностью это можно проследить и на истории современной литературы. Как бы ни был талантлив в прозе, и в поэзии Бунин, он почти забыт, мало известен нашим широким читателям, особенно молодым. И не потому, что Бунина не переиздают у нас... А Горького и Серафимовича не забудут. А ведь они — современники с Бунином, в одно время, вместе пришли в литературу, но служили народу по-разному. По-разному ценили и их произведения. Бунину была присуждена Нобелевская премия за «Жизнь Арсеньева». А такое произведение Горького, как «Жизнь Клима Самгина», великолепно отдельное и являющееся энциклопедическим по широте охвата и показу всех предреволюционных слов и прословок царской России, не было отмечено шведской академией.

Точно так же выпал из поля зрения шведских ценителей искусства и отличный роман «Дело Артамоновых». То же самое произошло и с «Железным потоком» Серафимовича, и со многими другими значительными произведениями советской прозы.

Как видите, и на международной арене оценки диктуются классовыми интересами. И даже в этом свете, в свете оценок, лживо звучат утверждения буржуазных теоретиков о том, что искусство по самой природе своей, дескать, бесклассово...

Советские люди всюду широко отмечают столетие со дня рождения выдающегося писателя нашей Родины Александра Серафимовича Серафимовича. Его творчество, наряду с творчеством Горького, Маяковского, Алексея Толстого,

(Окончание на 3-й стр.)

ДОРОГОЕ ИМЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

22 243.

1963

Г23-С72

Интерптуризация

Есенина, Сергеева-Ценского и других писателей, не будет забыто в нашей стране и за ее рубежами и станет культурным достоянием грядущих поколений. «Железный поток» Серафимовича навсегда вошел в железный фонд советской литературы, а из всего, что написано нашим дорогим земляком, этот роман особенно дорог нам тем, что наряду с фурмановским «Мятежом» в «Железном потоке» впервые блестательно описаны первые люди революции, и описаны они «изнутри», с любовью и благодарностью к тем героям, которые шагали в первых рядах бойцов за Советскую власть, за великое дело коммунизма.

Вся жизнь Александра Серафимовича, точно так же, как и его творчество, была глубоко революционна. Он честно служил прогрессу, революции, Коммунистической партии до конца своих дней.

Мы, жители Дона, испытываем к Серафимовичу особое чувство признательности и родственной теплоты не только потому, что он наш земляк, но и потому, что с отцовской любовью, не знающей различий, он относился ко всем трудящимся — и к донским казакам, и к иного-родным, и к кубанским казакам, и к крестьянам Ставрополья, взявшим в свои руки оружие, чтобы кровью свою спасть, поставить и утвердить на юге России Советскую власть. Мне посчастливилось близко узнать товарища Серафимовича 30 с лишним лет назад. В 1925 году издательство «Московский рабочий» решило издать сборник моих рассказов. Когда книга была набрана и сверстана, ее показали Александру Серафимовичу, и тот

решил познакомиться с тогда еще молодым автором. После этого мы неоднократно встречались. Бывал он и у меня в Вешенской, бывал, и частенько, наезжая в Москву, я у него. Одно время, в 1930 году, он недели полторы гостил в Вешенской. Мы вместе с ним рыбалили, ездили по Дону, и никогда не уставал этот далеко не молодой человек интересоваться всем, происходившим в то время на Дону.

Это было в начале 30-х годов, и вот длительное знакомство перерастало в чувство взаимной дружбы, несмотря на то, что нас разделяла довольно значительная возрастная разница. Я вынес глубоко запавшие мне в душу впечатления о Серафимовиче как о милом, скромном и немножко с какой-то казачьей лукавинкой человеке — великом писателе, который много помогал молодым, в том числе и мне.

Мне думается, что лучшим памятником этому замечательному, знаменитому писателю и нашему земляку будет то, что вершится сейчас у нас на Дону. Когда-то в Вешенской, глядя на Дон, Александр Серафимович увидел маленький такой пароходик, который, шлепая шлицами, шел против течения и дал гудок, чтобы разводили наплавной мост. Он сказал тогда: «Ну вот, как этот чудесный пароходик оживляет как бы солнечные берега тихого Дона».

А если бы посмотрел сейчас Серафимович, во что превратились берега его тихого Дона, мне думается, старику было бы очень приятно. Повторяю мы, читатели, и нынешние, и будущие, навсегда сохраним в памяти светлый облик этого милого человека и его произведения, которые служат делу коммунизма.